

Вырезка из газеты

ЛЕНИНСКАЯ
СМЕНА

г. Горький

29 АПР 1976

ПАРАДОКС искусства.

Мы смотрим сотни спектаклей со сложными, порой усложненными даже до степени натурализма, коллизиями и не ощущаем в себе порывов сопереживания, возникновения прекрасных человеческих чувств — сострадания, восхищения, благодарности великой.

И бывает наоборот. Уже более века человечество смотрит балет А. Адана «Жизель», зная, чем начнется и чем закончится «действие», и все-таки каждый раз трагедия юной Жизели переживается нами как бы заново.

На этот раз горьковские любители балета увидели в течение трех вечеров второй акт «Жизели», главные партии в котором исполнили артисты Большого театра Союза ССР лауреат премии Ленинского комсомола, народная артистка СССР Екатерина Максимова и лауреат Всесоюзного и Международных конкурсов Александр Богатырев.

Оба они приехали в Горький после знаменательных событий в их жизни. Месяц назад в Большом театре состоялся спектакль «Жизель», которого ждали год. Целый год из-за тяжелой болезни не могла танцевать Екатерина Максимова. И вот она снова на сцене. Среди первых подмостков, представивших талант балерины после вынужденной

паузы, — горьковская сцена.

Александр Богатырев не так давно занял первое место и получил золотую медаль на Международном конкурсе артистов балета в Токио.

ГАСТРОЛЬНАЯ АФИША

ВЕЧНО ЮНАЯ

«ЖИЗЕЛЬ»

...Тихо на маленьком сельском кладбище. Здесь в полночный час появляются вилисы, неземные существа. Они возникают как воплощение несбывшихся грез и мести за неосуществленное девическое счастье. Эти грозные и прекрасные в мнении мистические кладбищенские духи в веночках танцуют свой колдовской ритуальный танец. В ритмичном танце, взмахах рук, в плавных движениях, в белых траурных одеяниях с отливом синевы — их неумолимая сила.

Повелительница вилис взмахом символического цветка «вызывает» из земли в хоровод дух Жизели. Жизель — Максимова появляется на сцене, исполненная внутреннего трагизма. Высоко поднятые и сведенные к переносице

брови, полуопущенные веки — такой она ушла из «живой» жизни, юной и трагически прекрасной.

Когда смотришь «Жизель», всегда ждешь появления Альберта. В этом появлении — художест-

ство балерины. Екатерина Максимова прекрасно владеет пантомимой. В своих очень выразительных руках балерина фиксирует состояние полетности, состояние трагичности, нежность и трепет перед любимым, пафос высочайшего чувства любви. И последний ее жест — протянутая к Альберту рука, оставляющая цветы, как прощальный знак прощания и любви. Перед этой все испепеляющей страстью отступает даже холодная воля повелительницы вилис.

Адажио в вариациях Жизели и Альберта построены на пластике романтического балета. Это мольба и страдания. И знак этой мольбы, этой защиты своего счастья — рассыпанные к ногам повелительницы вилис белые розы.

Екатерина Максимова — балерина большой сценической культуры, обаяния, мастерства. И на этот раз со своим молодым талантливым партнером она еще и еще раз внесла свою лепту в мировую историю балета «Жизель». Удивительно, что с годами он не увядает. Условный язык балета становится все более понятным. Вечно юным остается для нас образ Жизели с ее сценической жизнью — грустной, прекрасной и вдохновенной.

С. ЧУЯНОВ.

венное решение этого образа во втором действии балета. Альберт — Богатырев выходит, направив правое плечо немного вперед. Большие глаза полны печали. В длинном черном плаще и с букетом белых кладбищенских цветов он похож то на пушкинского Ленского, юного, пылкого, легко ранимого поэта, то на римского патриция...

Опять начинаются злоевающие хороводы вилис, перед которыми предстают Альберт и спасающая его Жизель. Мы не устаем поражаться совершенству, с которым Екатерина Максимова владеет всем комплексом сложнейших движений классического танца.

Нам было бы мало, если бы только на этом сосредоточивалось все мастер-